

Ань Юань на мгновение застыл на диване. Хотя он никогда прежде не видел этого Ань И, само его существование вызывало у него острое чувство опасности. И дело было не только в родительской любви, но и в вопросе раздела имущества.

Внутри компании семьи Ань шла ожесточенная борьба. Ань Шаофэн уже задумывался о том, чтобы отойти от дел и уступить место молодым. Все-таки возраст брал свое: энергии было уже не так много, да и прежнего юношеского задора не осталось. Он мечтал о пенсии, но в его руках по-прежнему оставался крупный пакет акций.

Все видели, какими жертвами Ань Шаофэну далось процветание компании. Никто не смел возразить против того, что он владеет такой долей — это было заслуженно. Даже следующий глава компании должен был относиться к нему с величайшим почтением.

Если бы не появление Ань И, эти акции, скорее всего, достались бы Ань Юаню. Но теперь все изменилось, тем более что Ань И был родным сыном Ань Шаофэна.

Сам Ань Юань не был ребенком семьи Ань, его не связывали кровные узы ни с Ань Шаофэном, ни с Чэнь Линь. С того самого дня, как он узнал правду, он понимал: это имущество не принадлежит ему, и он не имеет права на него претендовать.

Но человеческие желания безграничны, и мало кто может устоять перед искушением деньгами.

В глубине души какой-то голос твердил ему: Ань Юань, если у тебя есть хоть капля гордости, ты не должен брать эти акции. Семья Ань столько лет тебя растила, неужели ты ничему не научился и не сможешь прокормить себя сам?

Однако стоило ему представить, что Ань Шаофэн действительно не даст ему ни одной акции, как внутри снова начинало расти чувство несправедливости.

Более двадцати лет они были семьей, неужели тот проявит такую холодность?

Хотя они оба стали жертвами подмены, Ань Юань считал, что ему тоже не повезло: он никогда не знал отцовской любви. Ань Шаофэн был холодным человеком — как к своим детям, так и к детям родственников. Он был успешным бизнесменом, но не был любящим отцом.

Ань Юань повернулся к Чэнь Линь:

— Мам, а Ань И хорошо жил в той семье?

Чэнь Линь покачала головой. Она считала, что ничего хорошего там быть не могло. Как можно хорошо жить в глухой горной деревне? Но Ань И никогда ей об этом не рассказывал.

Чэнь Линь вздохнула:

— Ии никогда мне не говорил.

Ань И не рассказывал Чэнь Линь правду по двум причинам. Во-первых, он не хотел ворошить прошлое — что было, то прошло, и в страданиях нет ничего такого, что стоило бы вспоминать. А во-вторых, если бы он выложил все как есть, Чэнь Линь не отделалась бы просто тремя днями слез.

Услышав это, Ань Юань кивнул. Он слышал, что Ань И нашли в далекой горной глуши. Вернувшись, он расспрашивал телохранителей, которые ездили за ним. При упоминании имени Ань И лица тех вытягивались. После долгого молчания они с безнадежным видом ответили:

— Молодой господин Ань И в полном здравии.

Ань Юань сделал вывод: значит, жил он там более-менее сносно. Раз тело такое крепкое, значит, выживать было не так уж и трудно.

Он пытался убедить себя в этом, пытаясь хоть как-то притупить внутреннюю боль. В конце концов, если называть вещи своими именами, он занял чужое место. Все знали, какая жизнь может быть в горной дыре, а он, благодаря подмене, жил в роскоши, проживая жизнь Ань И.

Последние несколько месяцев он жил как на иголках. Чувство вины перед Ань И раздувалось, как воздушный шар, становясь все больше и больше. Ему приходилось цепляться за обрывки чужих фраз — Ань И здоров, он выглядит счастливым — чтобы убедить себя, что тот на самом деле неплохо устроился. Если не думать так, он не мог уснуть, не мог преодолеть этот внутренний барьер.

А вдруг Ань И действительно жил хорошо? Вдруг он получил любовь родителей, о которой сам Ань Юань всегда мечтал?

Если подумать, казалось, что у того все сложилось неплохо, но после каждой такой мысли Ань Юаня охватывало чувство стыда. Он не хотел покидать семью Ань. Как бы он ни пытался внушить себе, что Ань И было хорошо в горах, сама мысль о том, чтобы отправиться туда жить, вызывала у него ужас.

Он как-то раз искал в интернете условия жизни в отдаленных горных районах. Как там вообще можно жить? Если бы он оказался там, то уже через три дня сбежал бы оттуда без оглядки.

Ань Юань уже все решил: если Ань Шаофэн вспомнит о нем и даст хоть немного акций — даже если просто для вида — он будет доволен. Он не собирался их оставлять себе, а сразу передал бы Ань И. Но если тот не даст ничего...

Ань Юань замолчал. Не может быть, чтобы совсем ничего. Хотя бы 0,1 процента хватило бы.

Вечером Ань Шаофэн вернулся из компании. Последние дни он занимался вопросом преемственности. В семье Ань ценились способности, и сейчас его выбор пал на второго сына старшего брата — выдающегося человека, способного на великие дела.

Сам же Ань Шаофэн, владея крупным пакетом акций, даже на пенсии оставался бы самым влиятельным человеком в семье. Компания была их жизненной артерией. Он принял ее, когда его старший брат попал в аварию и впал в кому, и смог поставить ее на ноги. Теперь даже глава семьи, старик Ань, при встрече с ним уступал ему место.

Сидя за ужином, он услышал от Чэнь Линь, что завтра вернется Ань И. Ань Шаофэн слегка приподнял веки и равнодушно произнес:

— Вот как? И когда?

Ань Юань искоса наблюдал за отцом. Тот внешне оставался невозмутимым, но Ань Юань видел: отец доволен. Он небрежно подцепил палочками горькую дыню, которую раньше никогда не ел.

Хочет улыбнуться, но сдерживается. Старый лис, как же много у него на уме.

Хотя Ань Шаофэну было под пятьдесят, выглядел он гораздо моложе. В кругу вечно лоснящихся от жира директоров он выделялся своей статью. Ань Юань невольно гадал, как выглядит Ань И. Чэнь Линь сказала, что хочет сделать сюрприз при первой встрече, поэтому не показывала фотографий. Но сама Чэнь Линь была хороша собой, они с Ань Шаофэном полюбили друг друга с первого взгляда. Каким же должен быть их общий ребенок?

После обеда Ань Юань, немного помявшись, решил пойти в кабинет к отцу. В компании сейчас было полно дел, и он не знал, вернется ли отец домой завтра к ужину. Вполне могло случиться так, что Ань И придет, когда отца не будет, а отец вернется, когда Ань И уже уйдет — они могли разминуться.

Он постучал, а затем, повернув ручку, приоткрыл дверь. Изнутри слышался голос Ань Шаофэна, звучавший непривычно радостно:

— Завтра не приеду в офис. Старший брат, сходи вместо меня. Да, завтра возвращается Ань И, мы давно не виделись.

Он невольно рассмеялся:

— Ань И не очень-то ко мне тянется, больше к матери, но все равно заботится обо мне. Вернется завтра, вечером, наверное. Днем у него дела.

Со стороны это выглядело так, будто он был одиноким стариком, которого бросили на двадцать

лет.

Ну и вид у тебя, совсем не ценишь себя, подумал Ань Юань.

Заметив сына, Ань Шаофэн бросил еще пару фраз и повесил трубку. Увидев, как у того мгновенно исчезла улыбка, Ань Юань подумал: сам же знаешь, что выглядел глупо.

Ань Шаофэн прочистил горло, пытаясь вернуть себе достоинство:

— Что-то случилось?

Ань Юань замялся. Он хотел спросить про Ань И, но взгляд упал на документы на столе, слева от отца. Слово Завещание больно резануло по глазам. Он тут же округлил глаза:

— Пап, что с тобой?!

Ань Шаофэн не понял:

— О чем ты?

Ань Юань схватил завещание:

— У тебя что, смертельная болезнь? Зачем ты пишешь завещание?!

Ань Юань быстро пролистал страницы, но первая же фраза гласила: После того как Ань Шаофэн покинет этот мир...

Ань Юань: ...

Сам себе желает долгой жизни, ну ты и даешь.

Взгляд упал ниже: Пятьдесят процентов акций компании, принадлежащих мне, переходят к старшему сыну, Ань И.

Ань Юань уставился на слова старший сын, словно его поразила молния. Он недоверчиво посмотрел на отца:

— Старший сын?!

Ань Шаофэн попытался оправдаться:

— Это...

Ань Юань хлопнул по столу:

— Мама сказала, что я буду старшим братом!

Ань Шаофэн: ...

Договорились же, что я буду старшим! Переписывай!

Ань Юань, читая завещание, расстраивался все больше. Пятьдесят процентов акций — все Ань И, а ему старый хрыч не оставил ни капли. Он совсем его не любит! Хотя он и не должен был брать эти акции, но хоть для приличия можно было что-то оставить?

Все эти годы прошли впустую. В мире стало на одного несчастного человека больше.

Ань Юань, сжимая завещание, обиженно сказал:

— Ты меня совсем не любишь.

Ань Шаофэн:

— А?

На самом деле, он был довольно справедлив к обоим. Он тайком прочел немало романов про подмененных детей, где те становились заклятыми врагами. Поэтому он решил быть справедливым отцом. По правде говоря, ему это удалось: он не лез ни к одному, ни к другому.

Но у каждого есть свои предпочтения. В книгах он всегда болел за настоящего ребенка, даже если тот был злодеем. В глубине души он и правда любил Ань И больше.

Он был занят работой и не имел времени заниматься детьми. Когда Ань Юань был маленьким, он постоянно плакал, стоило отцу взять его на руки, и никакой близости не возникло. Попробовав пару раз, он оставил попытки.

Когда Ань И вернули в семью, он многого не понимал и постоянно с глупым видом спрашивал: Что это? А это что? Как необычно! Я раньше такого не видел. Это теперь мое? Я так счастлив!

Каждый раз, видя этот простодушный вид Ань И, Ань Шаофэн не мог сдержать улыбку. Когда он возвращался домой, а Чэнь Линь не было рядом, Ань И садился рядом и засыпал его вопросами, говоря, что хочет учиться.

Чем дольше они общались, тем сильнее Ань Шаофэн чувствовал вину, видя ограниченность кругозора Ань И. Главной причиной была та благотворительная вечеринка на третий день после того, как Ань И нашли. Тогда он не испытывал к нему никаких чувств и, чтобы сохранить

лицо, назвал его приемным сыном. А потом и вовсе отправил к семье Хо, чтобы спасти компанию.

Бесспорно, он не заслуживал звания отца.

А все акции, что были у него в руках, принадлежали Ань И по праву. Без Ань И не было бы компании. Как только Ань И унаследует их, он станет крупнейшим акционером, и его влияние и статус никто не сможет пошатнуть.

Компания встала на ноги, позже он поможет младшим, и все будет процветать. Если Ань И не хочет заниматься бизнесом, пусть просто сидит дома и получает дивиденды.

Ань Юань, держа завещание, ткнул в ту самую строчку:

— Ни процента мне не оставишь?

Ань Шаофэн даже бровью не повел:

— Это то, что принадлежит Ань И.

Ань Юань не уловил скрытого смысла и с разбегу упал на колени перед отцом:

— Да ты просто предвзят! Я что, не твой сын?

Сказав это, он замер. Кажется, и правда не его.

Глядя на то, как Ань Юань валяется в ногах, Ань Шаофэн глубоко вздохнул. Какой позор.

— Ты предвзят! Ты любишь Ань И больше, чем меня!

Ань Шаофэн поднял его за шиворот:

— Он в детстве столько натерпелся, неужели я не могу проявить к нему хоть немного пристрастия, когда его вернули?

Если так подумать, то да, Ань И и правда был слишком жалок.

Ань Юань скривил губы:

— Но это не моя вина! Как ты можешь быть таким несправедливым? Я ведь тоже жертва в этой истории!

Ань Шаофэн посмотрел на него и выдохнул. Как бы он ни пытался его учить, кругозор Ань

Юаня оставался крайне узким. Он не умел видеть суть вещей, и именно поэтому не мог стать достойным преемником или успешным бизнесменом.

— Ты жертва подмены, но ответь мне: кто в итоге оказался в выигрыше?

Не медсестра, которая совершила ошибку, не семья Ань, не бедняки из горной деревни и уж точно не Ань И. В этой истории никто не выиграл. Кроме Ань Юаня.

Даже если он невиновен, он — единственный, кто получил выгоду. Он прожил жизнь, о которой многие могут только мечтать, наслаждаясь роскошью, предназначенной для настоящего сына, более двадцати лет.

Для бизнесмена чувства не главное. В этом мире прав тот, у кого есть деньги, тот, кто живет лучше. Жалобы того, кто уже получил выгоду, — это просто лицемерие.

Тот, настоящий, вернувшись, не высказал ни капли обиды — это невероятно. А если бы и высказал, то имел бы на это полное право. Должен был жить в роскоши, а жил в нищете. И не надо говорить, что достаточно любви приемных родителей — он рос здоровым, был сыт, у него было все, кроме денег.

Деньги — вещь почти всемогущая, а о них говорят так легкомысленно. Если, как они утверждают, отбросить деньги, то как быть с возможностями и кругозором, которые должны были быть у него с детства? Разве можно оправдать это одной лишь любовью? В высшем обществе никто не говорит о любви, это сказки для детей.

Даже те, кому не хватало любви, при выборе между деньгами и любовью, все равно бы колебались. Люди стремятся к лучшему, у каждого есть амбиции. Если бы того, настоящего, не нашли, он всю жизнь стремился бы к тому уровню, который у Ань Юаня был с рождения.

Говоря все это, Ань Шаофэн не хотел, чтобы Ань Юань чувствовал вину. Он лишь хотел, чтобы тот не спорил с Ань И. Даже если бы Ань Юань не претендовал на акции, он не должен был вести себя так, будто у него нет никакого воспитания.

Главная проблема Ань Юаня была в том, что он видел лишь то, что другие делают для него плохого, забывая о хорошем. Все с точностью до наоборот по сравнению с Ань И.

Он не хотел, чтобы Ань Юань страдал от чувства вины. Если бы тот не претендовал на долю Ань И, он бы никогда не сказал этих слов. К тому же он оставил Ань Юаню некоторую недвижимость, которой хватило бы на всю оставшуюся жизнь.

Ань Юань с детства не блистал успехами в учебе, мозгов не хватало, в старшую школу не прошел. Отец использовал связи, чтобы устроить его в престижный зарубежный вуз для галочки. По сути, он не был плохим, просто немного глуповат.

Ань Шаофэн признавал, что у него есть свои пристрастия. Он любил Ань И больше, чем Ань Юаня, и не только из-за чувства вины. Ань И был таким искренним, когда называл его папой. По правде говоря, Ань Шаофэн относился к нему скорее как к дочери.

Ань И был красив, черты лица не резкие, а мягкие и чистые. Когда кожа посветлела, он иногда выглядел настолько нежно, что трудно было понять, парень это или девушка.

Он помнил, как прошлой зимой жена сказала, что Ань И никогда не пробовал мороженое. Это его потрясло. Такое простое лакомство — и он никогда его не ел? Чэнь Линь сказала, что он пробовал только замороженный сахарный сироп на палочке, а о мороженом спрашивал, увидев по телевизору: Мам, а что это?

В тот день он заехал в торговый центр, купил закуску и мороженое для Ань И. Всю дорогу в машине не включал печку, чтобы оно не растаяло.

Ань И, взяв рожок, просиял:

— Пап, это то самое мороженое из телевизора? Я видел его там!

В доме был теплый пол, и Ань И, услышав, что отец вернулся, вылез из постели с растрепанными волосами, с покрасневшими щеками. Он улыбался так, словно получил звезду с неба. Но не стал есть сразу, а протянул отцу:

— Пап, сначала ты.

Ань Шаофэн отказался. Ань И предложил Чэнь Линь, но та тоже отказалась, сославшись на диету. Видя, что никто не хочет, Ань И с таким трепетом лизнул мороженое, что его глаза превратились в полумесяцы.

Ань Шаофэн подшутил над ним:

— Чему радуешься? Ничего особенного.

Ань И ответил:

— Я счастлив. Мороженое такое сладкое!

С тех пор Ань Шаофэн почти каждый день покупал ему мороженое, пока у того не разболелся живот.

Ань Шаофэн посмотрел на Ань Юаня, лежащего на полу, и вздохнул. Ань Юань был ошарашен словами отца. Тот был прав: он получил выгоду, и если бы у него была хоть капля гордости, он не должен был претендовать на эти акции. Но он не мог смириться!

— Мне все равно, ты просто предвзят!

Он не думал о том, что семья Ань смогла удержаться на плаву только потому, что Ань И вышел замуж за Хо Бэйсина. Он не хотел видеть и недвижимость, которую отец оставил ему. В глубине души он хотел, чтобы отец дал ему акции — он бы их не взял, но если бы дали, он бы не отказался. Это был лишь способ самообмана.

—

Поздно ночью Ань Юань включил грустную музыку и погрузился в свою меланхолию.

На следующее утро, еще до приезда Ань И, Чэнь Линь начала наводить в доме идеальный порядок. Даже собаку вымыли дважды.

Ань Юань чувствовал себя все более ущемленным. Люди говорили, что Ань И — человек с крепкой психикой, наверняка его любили приемные родители. А у него никогда не было отцовской любви. Это было несправедливо.

Он хотел посмотреть, что же это за чудо такое — кровные узы, которые за год смогли заменить им родство.

Около трех часов дня в дверь постучали. Ань И пришел вместе с Хо Бэйсином, в руках у них было много подарков.

Ань Юань старался держаться невозмутимо рядом с отцом, но из-за того, что у Ань И было много вещей, а слуги бросились помогать, его почти не было видно. Пока он не встретился с ним лицом к лицу, Ань Юань глубоко вздохнул: Спокойствие. Даже если Ань И вернулся, у него должно быть свое место. Он должен отобрать акции! Хотя бы 0,1 процента!

Чэнь Линь представила Ань Юаня:

— Ии, это твой брат Ань Юань.

Ань И вежливо подошел, его глаза сошлись в улыбку:

— Брат Ань Юань.

Ань Юань опешил. Он поднял глаза и...

Ань Юань: !

Милашка! Глядя на это невероятно послушное лицо Ань И и слыша это Брат Ань Юань, Ань

Юань растерялся.

Черт, ну кто тут устоит?

<http://bllate.org/book/21437/2190958>